

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 908(09)/94.47

Т.Г. КАРЧАЕВА

УПРАВЛЕНЦЫ «ОСОБЫХ» ВЕДОМСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ СИБИРСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА

учитель истории МБОУ СОШ № 12,
г. Красноярск
e-mail: tatyana-verkhoturova@yandex.ru

В статье рассмотрены высшие чиновники енисейской губернской администрации, возглавлявшие «особые» органы управления. Последние существовали относительно недолгое время и поэтому занимали в структуре местных губернских учреждений «особое положение». На основе впервые представленных документов и архивных материалов проведен анализ социального состава управляющих контрольной палаты, акцизного управления, государственных имуществ, тюремных и врачебных инспекторов, непреходящих членов по крестьянским делам енисейской губернской администрации по таким признакам, как сословное происхождение, вероисповедание, возраст, имущественное и семейное положение, образование, стаж государственной службы и т. п.

Ключевые слова: чиновничество, губернская администрация, Енисейская губерния, Сибирь.

В последние годы заметно вырос интерес к бюрократии дореволюционной России. В разных регионах появились работы о генерал-губернаторах, губернаторах, местных государственных и общественных служащих. При общей недостаточной изученности провинциального аппарата управления в рамках Восточной Сибири большой вклад в исследование чиновничества внесли работы Н.П. Матхановой, посвященные анализу кадрового состава корпуса высшей администрации региона [1]. История чиновничества Енисейской губернии представлена в ряде работ. Труды Л.П. Бердникова, в большей степени публицистического характера, посвящены вопросам становления и деятельности органов государственной власти в губернии. В них приведены интересные факты из жизни чиновников и биографические сведения, касающиеся некоторых местных администраторов, внесших значимую роль в социально-экономическое развитие края [2; 3]. В местных информационных и энциклопедических изданиях даны биографии наиболее известных губернаторов [4–6]. Комплексное изучение специфики енисейской губернской администрации с выявлением тенденций ее изменения в 1822–1917 гг. проведено в статьях Т.Г. Верхотуровой [7–10]. По сложившейся в историографии традиции анализ численности, привилегий, социального состава государственных служащих осуществлен по трем разрядам должностей: высшие (IV–V классы),

штаб-офицерские (VI–VIII) и обер-офицерские (IX–XIV). Однако в приведенных статистических подсчетах кадрового состава высших администраторов чиновники, занимавшие должности управляющих контрольной палаты, акцизного управления, государственных имуществ, тюремных и врачебных инспекторов, непреходящих членов по крестьянским делам енисейской губернской администрации, не фигурировали [11]. Названные высшие должности были отнесены в ряд «особых», по сравнению с другими высшими должностями IV–V классов губернской администрации, такими как губернатор, председатель губернского правления (вице-губернатор с 1895 г.), председатель казенной палаты (с 1873 г. управляющий), председатель губернского суда. Это объяснялось, во-первых, несоразмерным их положением с другими высшими чиновниками губернии; во-вторых, коротким временем существования должностей; в-третьих, узким, в основном надзорным, характером их функций: управляющий контрольной палаты (1866–1886 гг.) – надзор за оборотом казенных средств в губернии; управляющий акцизного управления (1902–1917 гг.) – администрирование акцизных сборов; управляющий государственных имуществ (1897–1917 гг.) – управление казенным имуществом; тюремный инспектор (1895–1917 гг.) – надзор и управление системой исполнения наказания; врачебный инспектор (1895–1917 гг.) – надзор и управление

системой здравоохранения; неперенные члены по крестьянским делам (1898–1917 гг.) – надзор за деятельностью уездных съездов и земских начальников.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении социальных особенностей управляющих контрольной палаты, акцизного управления, государственных имуществ, тюремных и врачебных инспекторов, неперенных членов по крестьянским делам енисейской губернской администрации в сравнении с другими высшими чиновниками как Енисейской губернии, так и центральных губерний Российской империи.

Приведенные ниже статистические наблюдения сделаны на основе изучения формулярных списков, личных дел, списков чинов по министерствам, исторической и энциклопедической литературы.

Установлено, что в дореволюционный период существования енисейской губернской администрации (с 1822 по 1917 г.) на высших должностях V разряда по «Табели о рангах», отнесенных в ряд «особых», служило 25 чиновников.

По Министерству финансов это были управляющие контрольной палаты: надворный советник (н.с.) В.И. Мерцалов (1866–1871 гг.), н.с. Е.С. Стеблин-Каменский (1871–1874 гг.), коллежский советник (к.с.) Н.А. Ковальский (1874–1878 гг.), статский советник (с.с.) В.А. Попов (1881–1886 гг.); управляющие акцизного управления: с.с. К.П. Сосновский (1902–1906 гг.), к.с. В.А. Новожилов (1906–1908 гг.), к.с. П.Д. Миклашевский (1908–1911 гг.), к.с. П.М. Шаньгин (1911–1916 гг.) [12–14]¹.

По Министерству внутренних дел в Енисейской губернии служили губернские тюремные инспекторы: с.с. Н.А. Ласкарев (1895–1902 гг.), с.с. А.С. Теплов (1903–1908 гг.), к.с. Н.Я. Девитт (1910–1911 гг.), н.с. И.И. Пилин (1911–1914 гг.), с.с. А.Э. Фон Гофланд (1915–1917 гг.); губернские врачебные инспекторы: действительный статский советник П.И. Рачковский (1895–1908 гг.); с.с. В.Ф. Миропольский (1908–1910 гг.); с.с. В.А. Беликовский (1912–1914 гг.); с.с. В.А. Боровко (1916–1917 гг.); служившие парами неперенные члены по крестьянским делам енисейского губернского управления: н.с. Б.А. Моллер (1899–1901 гг.), с.с. А.А. Кломинский (1901–1917 гг.), к.с. В.И. Новаков (1902–1911 гг.), к.с. А.П. Нарышкин (1912 г.), к.с. В.А. Иодко (1912–1917 гг.) [15]².

По Министерству государственных имуществ (с 1894 г. – Министерство землевладения и государственных имуществ, с 1905 г. – Главное управление землеустройства и земледелия, с 1915 г. – Министерство земледелия) в Енисейской губер-

нии служили управляющие одноименного управления: с.с. А.Д. Духович (1898–1906 гг.), к.а. И.К. Окулич (1906–1912 гг.), к.с. С.Н. Велецкий (1912/1914–1917 гг.) [16]³.

Как показал сравнительный анализ, все чиновники, находившиеся на высших должностях «особых присутственных мест» енисейской губернской администрации, были православного вероисповедания. Его придерживались все управляющие контрольной палаты, акцизного управления, тюремные инспекторы, врачебные инспекторы, неперенные члены по крестьянским делам, управляющие государственных имуществ.

Такой же состав православных был характерен и для других представителей высшего административного корпуса Енисейской губернии, а именно губернаторов, председателей губернского правления и вице-губернаторов, а для председателей енисейской казенной палаты и губернского суда – 92,3 и 81,8 % соответственно [8, с. 49]. В центральных губерниях Российской империи доля православных была ниже: 83 % – губернаторы, 88 % – вице-губернаторы, 81 и 90,2 % – председатели казенных и судебных палат, в среднем 80 % – другие чиновники. При этом среди них не было ни одного представителя исламского мира, хотя формального запрета на занятие ими государственных должностей не существовало [11, с. 152, 161, 168, 170, 173, 214; 17, с. 169].

В Енисейской губернии средний возраст поступления на должность управляющих контрольной палаты составил всего 35,3 года, управляющих акцизного управления – 49,7 года, тюремных и врачебных инспекторов – по 43 года, неперенных членов по крестьянским делам – 39,8 года, управляющих государственных имуществ – 44,3 года.

Средний возраст других высших администраторов Енисейской губернии был старше – от 47 лет и выше: губернаторы – 50, председатели губернского правления и вице-губернаторы – 48, председатели казенной палаты – 51,5 года и губернского суда – 47,7 года [8, с. 49]. Это несущественно отличалось от центральной части страны, где средний возраст губернаторов составлял 46–50 лет, председателей казенных и судебных палат – 56–60 и 51–55 лет соответственно [11, с. 152, 161, 168, 170, 173, 215–218].

Сословно-социальное происхождение глав «особых» ведомственных учреждений енисейской губернской администрации было неоднозначным (сведения имеем о 20 из 25 чел., или 80 %): из дворян были 50 % служащих (10 чел.), из духовенства – 25 % (5 чел.), из купечества – 10 % (2 чел.), из казаков, крестьян и мещан – по 5 % (по 1 чел.).

Среди других высших чиновников енисейской губернской администрации представители дворянства составляли абсолютное большинство: среди губернаторов – 93,8 %, председателей губернского правления и вице-губернаторов – 71,4, председателей казенной палаты и губернского суда – 69 и 70 % [8, с. 49]. В центральных губерниях дворянство из сферы управления было вытеснено уже во второй половине XIX в.: в 1850–1860 гг. около 3/5 всех табельных губернских должностей в московской администрации и более 2/3 – в калужской занимали выходцы из непривилегированных сословий [11, с. 206].

¹ ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 156. Оп. 1. Д. 351. Л. 1–7; Д. 460. Л. 25 об. – 29; Д. 589. Л. 2 об. – 7; Д. 717. Л. 29 об.; Назначение // Красноярск. 1908. 10 авг. № 176. С. 2; Общий состав Министерства финансов. СПб., 1874. Стб. 289; Список личного состава Министерства финансов на 1904–1905 год. СПб., 1904. Стб. 280; 1906. Стб. 485; 1908. Стб. 498; 1910. Стб. 272; 1912. Стб. 305.

² ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 91. Л. 83–90; Д. 96. Л. 53–54; Д. 152. Л. 6 об. – 11, 63 об. – 65 об.; Д. 165. Л. 42 об. – 47; Д. 189. Л. 2–24; Д. 215. Л. 37–38; Д. 325. Л. 42–50; Д. 390. Л. 3–21, 152; Д. 482. Л. 2–3 об.; Адрес-календарь и общий штат Российской империи на 1903. СПб. Ч. 2. Ст. 481; Адрес-календарь ... на 1908. Ст. 497; Адрес-календарь ... на 1910. Ст. 539; Адрес-календарь ... на 1912. Ст. 548–549; Адрес-календарь ... на 1914. Ст. 553; Адрес-календарь ... на 1915. Ст. 564; Адрес-календарь ... на 1916. Ст. 562; Список высших чинов местных установлений Министерства внутренних дел. СПб., 1904. С. 389; 1905. С. 183; 1906. С. 182; 1910. С. 379; 1912. С. 371.

³ ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 398. Л. 1 об. – 19, 186; Д. 433. Л. 2–7; Д. 587. Л. 1, 179–182.

По территориальному происхождению основная часть управленцев «особых» ведомственных учреждений, как и другие высшие чиновники Енисейской губернии, являлись приезжими (сведения имеем о 16 из 25 чел., или 64 %): из центральных губерний прибыло 50 %, из украинских и северо-западных земель – 31,3 %. Только 18,7 % служащих были сибирского происхождения, при этом единственным красноярцем являлся губернский врачебный инспектор П.И. Рачковский.

Имущественное положение управляющих контрольной палаты, акцизного управления, государственных имуществ, тюремных и врачебных инспекторов, непременных членов по крестьянским делам енисейской губернской администрации было различным и отличалось от российских коллег. Из 20 служащих (имущественное положение 5 чел. неизвестно) имущества в собственности не имели 80 % чиновников (16 чел.), родовые и приобретенные владения числились за 20 % служащими (4 чел.).

В целом среди высших администраторов Енисейской губернии реже, чем в центральных губерниях Российской империи, встречались крупные владельцы недвижимого и движимого имущества – в среднем 25 % против 60–80 %, по сведениям П.А. Зайончковского. При этом, если в рамках Российской империи с первой половины XIX в. до начала XX в. доля лиц с недвижимым имуществом неуклонно сокращалась (с 80,9 до 38,4 %), то в енисейской губернской администрации изначально большая часть служащих являлись представителями беспоместного чиновничества [8, с. 50; 18, с. 72, 222].

Как и большинство российских чиновников, занимавших высокие посты на государственной службе, почти все главы «особых» ведомственных учреждений енисейской губернской администрации состояли в браке – 95 % (19 из 20 чел.). Сословно-социальный статус супруги известен у 11 чиновников. Так, 54,6 % жен происходили из семей дворян, гражданских и военных государственных служащих, 18,2 % – из купечества, 9,1 % – из духовенства. В половине из 16 семей воспитывалось по одному-два ребенка, преимущественно младшего и среднего школьного возраста (50 %), при этом 18,8 % семей имели по шесть-семь детей.

В течение XIX – начала XX в. в Российской империи профессионализм чиновников в центре и на местах неуклонно повышался: доля лиц с высшим образованием с 1825 по 1917 г. увеличилась с 4 до 83 % – в 20 раз [17, с. 167]. Однако в зависимости от статуса уровень образования государственных служащих различался. Так, в центральных губерниях империи, в рамках рассматриваемого периода, 28 % чиновников, занимавших посты IV–V классов, служили с высшим образованием, 40 % – со средним, 32 % – с домашним и начальным [11, с. 152, 161, 168, 170, 173, 215–218].

В Енисейской губернии управляющие контрольной палаты, акцизного управления, государственных имуществ, врачебные инспекторы, непременные члены по крестьянским делам имели профильное высшее образование – 81,8 % чиновников (18 из 22 чел., о которых мы имеем сведения). Среднее и начальное образование было только у тюремных инспекторов – 18,2 % служащих. При этом два врачебных инспектора имели степень доктора медицины, один непре-

менный член по крестьянским делам – степень кандидата, один управляющий государственных имуществ – диплом инженера-агронома швейцарского университета.

Уровень образования других высших чиновников енисейской губернской администрации был ниже. Так, высшее образование имели 31,3 % губернаторов, 38,1 % – их заместители, 16,7 % – председатели и управляющие казенной палаты, 40 % – председатели губернского суда [8, с. 51].

Определенной характеристикой глав «особых» ведомственных учреждений енисейской губернской администрации являлось наличие у всех чиновников государственных медалей и орденов, а также официальное отсутствие среди них случаев нарушения закона и инструкций.

Среди государственных служащих, занимавших высшие должности в енисейской губернской администрации, выявлен только один случай судимости чиновника (председатель енисейского губернского правления, затем губернского суда), что было скорее исключением. Естественно, истинное число должностных нарушений неизвестно.

Стаж государственной службы «особых» управленцев ведомственных учреждений (суммарный показатель военной и гражданской) составлял от 7 до 31 года⁴, а именно:

6–10 лет – 3 чел.	21–25 лет – 4 чел.
11–15 лет – 8 чел.	26–30 лет – 3 чел.
16–20 лет – 3 чел.	31–35 лет – 1 чел.

Опыт службы в ведомстве до назначения на должность имели 86,4 % служащих (19 из 22 чел.). Средняя продолжительность пребывания на посту составила чуть больше четырех лет. Наименьшей продолжительностью службы была у врачебных инспекторов (2 года 5 мес.), а самая продолжительная – у непременных членов по крестьянским делам (6 лет и 5 мес.).

У других высших чиновников енисейской губернской администрации такие количественные показатели службы, как стаж и срок пребывания на должности, были выше: продолжительность государственной службы – до 52 лет, нахождения на должности – более 5 лет [8, с. 52].

Из 22 глав «особых» ведомственных учреждений, о которых имеются сведения, опыт военной службы, как и участия в военных действиях, имели только два управляющих контрольной палаты (9,1 %) – подавление Польского восстания 1863 г., Крымская война 1853–1856 гг. Другие чиновники служили только по гражданскому ведомству и участия в военных действиях не принимали.

Таким образом, кадровый состав управляющих контрольной палаты, акцизного управления, государственных имуществ, тюремных и врачебных инспекторов, непременных членов по крестьянским делам имел ряд как общих черт для всех чиновников IV–V класса Российской империи, так и региональных особенностей, свойственных как всем высшим служащим, так и енисейской губернской администрации или данной категории чиновников.

Общими чертами являлись показатели по следующим критериям: состояние в браке, высокий сословно-социальный статус супруги, средняя детность семей, наличие госу-

⁴ Точное количество лет службы 3 из 25 чиновников неизвестно.

дарственных медалей и орденов, официальное отсутствие среди них случаев нарушения закона и инструкций, значительный опыт службы в ведомстве, редкие случаи участия в военных действиях.

Среди общерегиональных особенностей следует отметить редкие случаи владения землей чиновниками, высокую долю служащих, придерживавшихся православия (выше, чем в центральных губерниях Российской империи), территориальную принадлежность, так как подавляющее большинство высших чиновников енисейской губернской администрации прибыли в Сибирь из-за Урала, а стабильными поставщиками кадров являлись центральные, украинские и северо-западные губернии.

Отличительными особенностями кадрового состава управляющих контрольной палаты, акцизного управления, государственных имуществ, тюремных и врачебных инспекторов, непререкаемых членов по крестьянским делам являлись: невысокий, для чиновников данного уровня, средний возраст поступления на должность, дворянское происхождение только половины служащих, хороший уровень образования (за исключением тюремных инспекторов, все они имели высшее профильное образование), большая текучесть кадров. Следовательно, социальный состав глав губернских ведомственных учреждений, существовавших относительно недолгое время, был более демократичен, чем кадровый состав других высших чиновников енисейской губернской администрации и страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. 250 с.
2. Бердников Л.П. Вся красноярская власть: очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916): факты, события, люди. Красноярск, 1995. 320 с.
3. Бердников Л.П. От денежной кладовой до Министерства финансов: очерки истории административно-хозяйственного управления Енисейской губернии Красноярского края (1822–2009).

Болонев Ф.Ф. Сокровища земли Тарбагатайской. Улан-Удэ – Иркутск, 2012. 219 с.

«Сокровища земли Тарбагатайской» – так названа книга видного ученого-этнографа, историка, фольклориста, доктора исторических наук Фирса Федосовича Болонева, изданная под грифом Института археологии и этнографии СО РАН, а также Тарбагатайского землячества (Улан-Удэ; Иркутск, 2012. 219 с.). Книга имеет подзаголовок «Очерки истории и культуры». Автор широко известен в большой науке, его труды заслуженно получили высокую оценку в ученом мире России и за ее пределами. О творческом лице Ф.Ф. Болонева, его высоком вкладе в российскую науку рассказал во вступительном очерке «Этнограф, историк, фольклорист» академик РАН В.И. Молодин. По его мне-

нию, научное значение данной книги далеко выходит за рамки краеведения: «это и своеобразная энциклопедия для жителей Тарбагатайского района, которые впервые узнают о возникновении большинства сел на этой территории, о хозяйственных занятиях, о культуре и быте предков, о различных этнокультурных группах русских и об их социальном положении» (с. 5).

В широком диапазоне научных изысканий Ф.Ф. Болонев исследования истории, материальной и духовной культуры семейских занимают особое место. Уникальность указанной книги заключается прежде всего в том, что написал ее человек, не понаслышке знакомый с культурой и бытом старообрядцев Забайкалья – семейских, с их трудовыми традициями, обычаями, обрядами. Автор – родом из Большого Куналея. А если прибавить к этому богатый опыт полевых

Красноярск, 2009. Ч. 1: Столетний путь Енисейской казенной палаты. 264 с.

4. Енисейская губерния – Красноярский край: история в лицах: информ. изд. Красноярск, 2004. 63 с.

5. Губернаторы Енисейской губернии // Красноярский материал: Времена. Люди. Документы. Красноярск, 1998. 584 с.

6. Енисейский энциклопедический словарь / под ред. Н.И. Дроздова. Красноярск, 1998. 696 с.

7. Верхотурова Т.Г. Енисейская губернская администрация ведомства государственных имуществ (1897–1917): к социальному портрету сибирского чиновничества // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2009. № 12 (150): История. Вып. 31. С. 15–24.

8. Верхотурова Т.Г. Кадровый состав енисейской губернской администрации (1822–1917 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2 (10). С. 48–53.

9. Верхотурова Т.Г. Штаты и численность енисейской губернской администрации (1822–1917 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 19–23.

10. Карчаева Т.Г. Привилегии государственной службы в Енисейской губернии: исторический аспект (1822–1917 гг.) // Вестник КрасГАУ. 2012. № 4. С. 229–236.

11. Иванов В.А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России: историко-источниковед. очерки. Калуга, 1994. 232 с.

12. Мерцалов В.И. Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // Русская старина. 1917. Т. 171, №7. С. 38–89.

13. Ромашкевич А.Д. Материалы к истории Петровского Полтавского кадетского корпуса с 1-го октября 1909 г. по 1-е октября 1910 г. Год седьмой. Полтава, 1910. С. 120.

14. Опыт историко-генеалогического исследования. СПб., 2005. С. 68–289.

15. Потанов И.Ф. История в фотографиях и документах. Красноярск, 2007. С. 374–375.

16. Попов И.М. Сибирское поле: очерки истории сельского хозяйства Красноярского края. Красноярск, 1995. С. 69–70.

17. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX века). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 2003. Т. 2. 582 с.

18. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.

Статья поступила
в редакцию 19.12.2012